

АДВОКАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Борохова

Адвокат черной королевы

Наталья Евгеньевна Борохова

Адвокат черной королевы

Серия «Адвокатский детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176057
Адвокат черной королевы : Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-26036-2*

Аннотация

Молодой адвокат Лиза Дубровская поначалу ревновала своего жениха Андрея к его подруге детства. Но Алина быстро убедила ее, что между ними ничего нет, и даже предложила Лизе помощь в работе – легкое арбитражное дело о взыскании долга. Лиза это дело быстро выиграла, хотя в глаза не видела своего клиента, Алина просто передала от него доверенность. Но через несколько дней ответчика обнаружили убитым, а клиента, оказывается, вообще не существует в природе, доверенность липовая! В этих преступлениях обвинили Дубровскую, она оказалась в следственном изоляторе. И Лиза сама становится своим адвокатом.

Содержание

* * *

4

Два месяца назад...

30

Конец ознакомительного фрагмента.

46

Наталья Борохова

Адвокат черной королевы

* * *

Полина Кузнецова, для своих – просто Поля, немало повидала на своем веку. Жизненный путь длиной в шестьдесят лет наложил на ее круглое, от природы добродушное лицо печать долгой и упорной борьбы за мало-мальски сытое существование. Получив на склоне лет теплое местечко консьержки в элитном доме для «тех самых», она наконец ощутила вкус сладкой жизни. Сидеть в чистом, светлом подъезде с фикусами на лестничных клетках, день-деньской смотреть цветной телевизор и получать за это деньги – было, в представлении Полины, неслыханным везением. Поэтому к своим трудовым обязанностям женщина относилась трепетно. Ей доставляло удовольствие подолгу допрашивать посторонних о целях их визита к жильцам «дома для избранных». Среди гостей попадались птицы высокого полета – солидные мужчины в дорогих костюмах, дамы с горностаями, но все они робели, как школьники, оказавшись под перекрестным огнем многочисленных вопросов неутомимой консьержки. Несколько раз жильцы пытались ей делать строгое внушение, но, в конце концов, махнули рукой. Полина Кузнецова

несла трудовую вахту с бдительностью пограничника, а это, как ни верти, было по всем причинам выгодно.

Вот и сегодня, оглядев с ног до головы молодую девушку в насквозь промокшей одежде, консьержка мигом подобралась.

– Полина Ивановна, это я – Елизавета Дубровская, – еле прошелестела синими от холода губами ночная посетительница. Она попыталась улыбнуться. – Вы меня не узнаете? Я – к Алине, в пятую квартиру.

Конечно, Кузнецова ее узнала. Эта девушка, по ее сведениям, адвокат, несколько раз была в гостях у Павловской. Но это отнюдь не значило, что консьержка пропустит ее наверх так просто, не задав ни единого вопроса. Причин тому было несколько. Во-первых, девушка на данный момент напоминала героиню известной сказки про принцессу и горошину. Вода струйками стекала с джинсовой одежды на мозаичный пол. Кроссовки раскисли от влаги и издавали при ходьбе противное чавканье. Зубы девушки отбивали дробь, а дрожащие руки едва удерживали сумку. Во-вторых, часы на стене показывали полночь, время, когда законопослушные граждане сидят по домам, а не шастают без веской причины по гостям. Таким образом, провернув в своей голове несколько мыслительных операций, Кузнецова решила дать бой.

– Стоять смирно и отвечать на вопросы. – Женщина придвинула к себе толстую тетрадь. – Кто такая? Профессия, адрес, цель визита. Пожалуйста, медленнее. Я буду записывать.

Она взяла ручку.

– Полина Ивановна! Я спешу.

Девушка предприняла попытку проскочить. Но мимо бдительной консьержки не смог пролететь бы даже шмель. Через несколько секунд настырная посетительница была водворена на место, а Кузнецова, пыхтя и отдуваясь, уселась за письменный стол.

– Фамилия?

– Полина Ивановна, я вам денег дам, только не записывайте меня, ради всего святого.

Елизавета выудила из кармана скомканную сотенную купюру. Лицо Кузнецовой приобрело цвет баклажана.

– Взятка?! Да как ты смеешь?

Девушка молитвенно сложила перед собой руки.

– Полина Ивановна, не волнуйтесь. Я, как адвокат, могу вам обещать, что поскольку вы не являетесь должностным лицом, то состав преступления в моих и ваших действиях отсутствует...

Давненько Кузнецову так не оскорбляли. Она себя чувствовала не кем иным, как самым ответственным и неподкупным должностным лицом. А эта девушка посмела нагнуть на ее более чем скромное место в этой жизни. В результате незадачливая посетительница вынуждена была для начала выслушать строгую отповедь о чести и совести, а потом еще четверть часа отвечать на вопросы, напоминающие хитроумный психологический тест. Уморившись трудиться на

нине общественной безопасности, женщина наконец выдохнула:

– Все! Можете идти.

Девушка направилась к лестничному маршу.

– Итак, время визита. Шестнадцатое октября. Час ночи, – прокряхтела Поля, записывая точные данные в свою тетрадь.

Потом, с чувством хорошо выполненного долга, откинулась на спинку удобного кресла...

...Стрелки часов уже подходили к двум часам ночи, когда дверь подъезда с шумом распахнулась. Толпа людей в камуфляжной форме ворвалась в холл. Впереди бежал маленький тщедушный человечек в гражданской одежде. Он суетливо размахивал руками и возбужденно кричал:

– Вы увидите, мы возьмем ее тепленькой!

Осоловелая после короткого сна, Полина Ивановна попыталась было воспрепятствовать вторжению, но ее бесцеремонно оттеснили в сторону. Какой-то строгий мужчина в форме, по всему видно, что начальник, спросил:

– Из пятой квартиры кто-нибудь выходил?

Кузнецова схватилась за заветную тетрадку.

– Сейчас я вам все скажу, у меня все записано...

Но странный мужчина, похлопав ее по плечу, бросил загадочную фразу: «Вас допросит следователь» – и устремился вверх по лестнице. Толпа последовала за ним.

– Пойдите, я не успела вас записать! – крикнула кон-

сьержка. Но обращалась она уже к пустоте...

Далее события разворачивались с молниеносной быстротой. Полина не успела даже перевести дух, как в подъезд ворвались еще не менее дюжины каких-то торопливых людей с серьезными лицами. Появились санитары с носилками.

– Труп где? – обратились к ней с вопросом.

– Чей? – застыла на месте консьержка.

– Ну не папы же римского! Труп Павловской Алины Станиславовны в какой квартире проживает? – неуместно пошутил кто-то.

– Ой! – прошептала бедная женщина, стекая в кресло.

Впервые за два года безупречной службы Полине Кузнецовой изменила выдержка. Трясущиеся руки не могли удерживать ручку, а традиционный вопрос о цели визита было не так легко произнести. В горле стоял ком...

Время остановилось. Мимо консьержки беспрестанно сновали люди. Какой-то человек в штатском задавал ей вопросы. Она что-то отвечала. Скорее всего невпопад, потому что он, махнув рукой, покрутил пальцем у виска и забрал из ее рук тетрадь.

Санитары пронесли к выходу что-то ужасное под белой простыней. Щуплый человечек, устроивший ночной переполох, что-то орал в телефонную трубку. Кажется, он требовал прессу и телевидение. Видимо, его призыв был услышан.

Люди с фотоаппаратами и камерами появились с завидной быстротой.

В голове Кузнецовой работала кузница: огромный молот опускался на наковальню, наполняя пространство нестерпимым грохотом. Она плохо соображала. Лица, звуки слились в один сплошной водоворот. Но хаос вдруг разбился вдребезги от отчаянного вопля:

– Это не я. Я ее не убивала! Не убивала!

«Ла, ла, ла!» – отозвалось эхо на верхних этажах.

Возмутители ночного спокойствия тащили под руки девушку. Джинсовая одежда так и не успела обсохнуть. Спутанные каштановые волосы прилипли к лицу. В карих глазах стоял ужас. Она сопротивлялась изо всех сил. Несмотря на субтильную комплекцию девицы, два упитанных стража порядка едва удерживали обезумевшую преступницу.

Застрекотали фотоаппараты. Заработали камеры.

«Сенсация года – убийца-адвокат!», «Оборотень в образе молодой девушки!», «Леди Макбет нашего уезда!» – слышалось со всех сторон.

– На счету этой особы уже два убийства! – позировал перед камерами щуплый человечек. – Я – сам адвокат, поэтому не буду называть вам пока фамилию и имя убийцы. У нее тоже есть права. Но думаю, скорый и справедливый суд без труда установит истину...

Полина, открыв рот, слушала речь адвоката, в которой слышался плохо скрытый триумф.

– ...Как видите, элитные дома, крепкие засовы и бдительные консьержи не могут спасти нас от преступности. – Он сделал реверанс в сторону Кузнецовой. – Не так ли, дорогая? Полина Ивановна не нашла что ему возразить...

Семен Иосифович Грановский, удобно расположившись в кресле под полосатым зонтиком, лениво листал книгу. Рядом щекотало гальку Средиземное море, а щедрое турецкое солнце ласкало спины отдыхающих. Стройные ножки, шоколадные плечики и прочие приятные взгляду женские прелести не способствовали чтению, а навевали на Грановского черную меланхолию. Не то чтобы Семен Иосифович был стар и ни на что, кроме воспитания внуков, уже не годился, отнюдь нет... Он был известным в своей профессии специалистом, весьма обеспеченным и уважаемым в городе человеком. Внешностью его бог не обидел. Почтенные седины придавали его облику респектабельность, а крепкое коротконогое тело находилось в прекрасной форме. Было время, когда пляжные красотки считали за честь провести с маститым адвокатом досуг. Конечно, они не были наслышаны о его славных победах на профессиональном поприще, но безошибочно улавливали приятный и неповторимый флер больших денег и почти безграничных возможностей. Но всему на свете приходит конец. Сейчас Семен Иосифович напоминал лишь тень того удачливого человека, каким был до недавнего времени. Всему виной была история, о которой Грановский ста-

рался не вспоминать...

Зазвонил мобильный телефон. Адвокат поморщился. Ко-
му он понадобился? Грановский не был расположен к бесе-
де. Все, что ему хотелось, так это тишины.

– Алло?

– Семен, это ты?

Разумный вопрос! А кто же еще?

Конечно, это был Зорин, председатель адвокатской пала-
ты. Что же там случилось такого, чтобы его беспокоили на
отдыхе?

– Петрович, позвони позже. Я занят. Мне делают массаж,
а ты знаешь, как в моем возрасте важно...

– Ты должен приехать! – довольно решительно прервал
его Зорин.

Ничего себе поворот! Он два года не был в отпуске.

– ...тут для тебя есть одно небольшое дельце.

– На миллион долларов? – вяло отшутился Грановский. –
На меньшее я не согласен.

– Бесплатное дело.

Если бы Грановский пил свой любимый молочный ликер,
он бы поперхнулся от такой несуразицы. Ему, непревзойден-
ному профессионалу, входящему в «золотую десятку» са-
мых успешных адвокатов страны, предлагают вести дело, на
которое принято отправлять желторотых неоперившихся ад-
вокатов.

– Петрович, тебе лучше объясниться. – Грановский обо-

шелся без резкости.

– Охотно. Ты будешь защищать нашу коллегу, Елизавету Дубровскую.

Если Семен Иосифович и оцепенел, то только на мгновение.

– А что она, проехала в троллейбусе без проездного билета? – съязвил он. – Или, быть может, она совершила умышленное убийство комара?

– Отчасти ты прав. Она убила двух человек.

Чертова связь! Грановский не сомневался, что последние слова Зорина были искажены помехами.

– Повтори, Петрович. Мне померещилась какая-то ерунда.

– Говорю тебе, она замочила двух человек! – проорал в трубку Зорин.

Грановский вышел из себя. Он, конечно, ценит юмор, но в другое время и при других обстоятельствах. Он нажал «отбой» и с досадой хрястнул себя по колену. Никакого покоя!

Телефон вновь зазвонил.

– Связь прервалась, – пожаловался Зорин. – Но я так и не понял, мы можем рассчитывать на тебя?

Нет, это невыносимо!

– Слушай, дорогой, оставь свои шутки при себе! – вспылил Грановский.

– Да какие, к чертовой бабушке, шутки! – в тон ему прокричал Зорин. – Мне не до смеха. В газетах – шумиха. Зна-

ешь, что пишут? «Адвокаты на тропе войны!» Меня уже вызывали в Управление юстиции и интересовались, где были наши глаза, когда мы принимали в ряды защитников человека с неустойчивой психикой и криминальными наклонностями.

Грановский начал наконец осознавать, что его не разыгрывают.

– Петрович, это бессмыслица. Если разобраться...

– К сожалению, дело верное. Я наводил справки. Ее взяли на месте последнего преступления. У следствия – море улик, для защиты – никаких шансов. Да ведь от тебя никто не будет требовать невозможного. Для нас важно проявить корпоративную солидарность – обеспечить бывшую коллегу надежной защитой. А там – как карты лягут. Будем писать письма на Колыму... Ну, так ты берешься за ее дело?

Легко сказать, да нелегко выполнить! Та самая история, о которой так не любил вспоминать Семен Иосифович, была связана именно с этой особой – Елизаветой Дубровской. Она же была причиной его меланхолии и карьерного падения.

Года два назад Лиза должна была начать свою работу в юридической фирме «Законность». Там под покровительством великого Грановского трудились сливки адвокатского сообщества, самые крутые профессионалы с надежными связями и безупречной репутацией. Конечно, взбалмошная Дубровская, выпускница юридической академии, и на пу-

шечный выстрел не была бы допущена в святая святых престижной адвокатской конторы, но... Но у Елизаветы был могущественный отец, занимавший важный государственный пост. Принять в ряды высокооплачиваемых адвокатов его неразумную и не приспособленную к жизни дочь означало многое. Для Грановского распахнулись бы двери высоких кабинетов, появились бы такие знакомства, о которых не приходилось даже и мечтать. Но судьба-злодейка внесла в приятные планы свои коррективы. Дубровский скончался от сердечного приступа, а его очаровательная дочь была тут же выставлена Грановским за двери с искренними пожеланиями счастья и успехов. Нет, он поступил по-джентльменски! Семен Иосифович отправил ее работать в самую бестолковую контору, в которой некогда начинал сам. Но разве это было не разумно? По мнению известного адвоката, молодежь должна учиться на трудностях, закалять характер. Это он обеспечил Елизавете по полной программе. Она трудилась за гроши, наработывая опыт, а Грановский иногда почему-то испытывал слабые уколы совести. Все шло своим чередом, пока учитель и ученица не встретились в громком уголовном процессе. В качестве гонорара великому адвокату причиталась вилла на побережье Испании и громкая слава. Елизавета должна была радоваться смехотворному вознаграждению от государства. Ключи от роскошного особняка, можно сказать, были у Грановского в кармане, когда в дело вмешался Его Величество Случай. Вздорная Дубровская, выяснив,

что главный фигурант громкого процесса был каким-то образом причастен к смерти ее отца, развалила хорошо поставленную защиту. Правильнее сказать, она подвела дело к обвинительному приговору. Клиент Грановского получил максимальный срок лишения свободы, а сам Семен Иосифович был смещен с поста руководителя «Законности». Он потерял немало выгодных клиентов, пресса заклевала его издевками, а коллеги решили, что известный защитник просто выдохся. Хуже было то, что Грановский им поверил...

– Как понимать твое молчание? – проявил нетерпение Зорин. – Берешься или нет?

– Хорошо, – вздохнул Грановский. – Я даю согласие.

Семен Иосифович был иногда суеверен. Девушка, ставшая некогда причиной его падения, могла оказаться спасительным мостиком в счастливое будущее...

Следователь прокуратуры Воронин перебирал собранные по делу материалы: характеристики Дубровской, копию диплома о высшем образовании, копию паспорта. С фотографии на него смотрело симпатичное девичье лицо: выразительные глаза, роскошные темные волосы. В жизни она производила впечатление испуганной лани: худенькая, невысокая и ужасно незащищенная. Таких принято опекать, поддерживать. Не нашлось бы мужчины, который поверил бы в то, что эта изящная женщина способна вынашивать чудовищ-

ные планы, ее тонкие руки могут без дрожи нанести смертельный удар, а стройные ноги легко спасут от преследования.

«Елизавета Дубровская пользовалась в коллективе уважением, участвовала в общественной жизни. По характеру она добрая, отзывчивая, готова прийти на помощь...» Хорошенький портрет убийцы? «По месту жительства характеризуется положительно. Дурных привычек не имеет. С соседями поддерживает хорошие отношения». Почему в характеристиках принято писать подобную чепуху? Какая разница, здоровалась ли убийца с соседями? Смягчает ли ее вину то, что она участвовала в художественной самодеятельности? Бред...

Воронин в сердцах отодвинул в сторону бумаги. Что до него, то он не попадет на ее слезливые заверения в собственной невинности. Она получит сполна. Благо доказательств в этом деле хватает!

– ...В этой тетрадке я отмечаю все визиты к жильцам нашего подъезда, – исповедовалась перед следователем консьержка Кузнецова. – Сами понимаете, депутаты, бизнесмены, крупные начальники – народ не простой. Конечно, они не просили меня вести записи. Это, так сказать, больше моя инициатива. Мало ли что...

Полина готова была вывернуться наизнанку, только бы угодить следователю. После того ужасного случая, когда во

время ее дежурства была убита дочь известных родителей – Алина Павловская, ей довелось выслушать немало колких замечаний по поводу полной никчемности круглосуточной вахты в подъезде. Жильцы видели в ней гарантию собственной безопасности, а на деле оказалось, что толку от нее никакого.

– Полина Ивановна, – спрашивал следователь. – А могло такое случиться, что вы покинули свой пост на некоторое время?

– Никогда! – твердо заявляла Кузнецова.

Воронин кивал головой. Ранее допрошенные жильцы дома дружно подтвердили, что сдвинуть бабу Полю с места не смог бы даже бульдозер.

– Таким образом, вы утверждаете, что к Алине в этот вечер никто, кроме Дубровской, не приходил?

– Могу лечь на рельсы! – не к месту произнесла Кузнецова.

– Ну, это от вас не требуется, – улыбнулся следователь. – Вы рассказывали, что неоднократно видели нашу обвиняемую в гостях у Павловской. Можете ли вы охарактеризовать каким-либо образом их взаимоотношения?

– Тут и говорить нечего, – фыркнула Полина. – Алина была светлым ангелом, упокой господь ее душу. Нежная, приветливая, негордая... А эта ваша Дубровская мне с первого взгляда не понравилась. Заносчивая, нахальная. Деньги мне попыталась сунуть. Эту историю я вам уже рассказывала...

Воронин еще раз кивнул головой. Дубровская пыталась скрыть свой поздний визит к Алине. Ей ни за что не хотелось, чтобы ее фамилия фигурировала в записях бабы Поли. Это была прелюбопытная деталь.

– ...В тот вечер она мне показалась подозрительной. Я не зря не хотела ее пропускать. Глаза у нее были стеклянные, руки тряслись. Видать, нервничала сильно. А бедняжка Али-на словно предчувствовала свою смерть...

Воронин оторвался от своих дум.

– Почему вы так решили?

– А потому! – выпучила глаза баба Поля. – За несколько дней до убийства она попросила меня не пускать к ней никого без предварительного звонка.

– Она объяснила свою просьбу?

– Да, если это можно считать объяснением. «Жизнь, Полюшка, хорошая штука, и расставаться с ней у меня нет никакой охоты» – это единственное, чего я смогла от нее добиться.

– Так почему вы отнеслись к ее словам легкомысленно и пропустили Дубровскую?

– Звонила я! Только она не отвечала. Телефон, видать, отключила на ночь. Такое за ней водилось. А я, сказать по правде, представить себе не могла, чем обернется для нее визит этой адвокатессы!

Воронин ее прекрасно понимал. Действительно, трудно вообразить, что смерть иногда стучится в двери вовсе не в

образе старухи с косою или мужчины с ножом. Она приходит в гости в ненастную ночь в облике молодой красивой девушки с мокрыми от дождя волосами...

Мать Алины на допросе держалась превосходно. Только по тому, как внезапно белели костяшки ее пальцев, сжимавших ремешок сумочки, можно было понять, что за внешней невозмутимостью скрывается кровотокающая рана. Единственная дочь была отрадой и гордостью родителей.

– Алиночка была редкой красавицей, – рассказывала мать.

В этом следователь Воронин мог убедиться сам. Цветные снимки девушки, приобщенные к материалам дела, казались выполненными с рекламных проспектов. Павловская обладала модельной внешностью и, без всяких сомнений, забрала бы на конкурсах красоты все главные призы. Вот только участвовать в подобных шоу ей не позволяло воспитание и дворянское происхождение. Она с гордостью несла славную фамилию предков, и обнажаться на потребу толпе было противно ее достоинству.

– Она была чрезвычайно начитана. У нее было много друзей...

– Среди них были молодые люди?

– Разумеется. Но я так полагаю, вас интересуют более близкие отношения? Извольте... Несколько лет она считалась невестой Андрея Мерцалова. Вам что-нибудь говорит

это имя?

– Мерцалов... Мерцалов, – наморщил лоб следователь. – Пойдите-ка, это не тот известный фармацевт... Таблетки там всякие, пилюли... Мистер Анальгин – так вроде окрестили его некоторые газеты?

– Примерно так, – слабая улыбка тронула губы Павловской. – Для меня он, конечно, просто Андрей. Андрюша. Сын наших самых близких друзей. Они с Алиной, можно сказать, выросли вместе. Как-то так сложилось, что мы с его родителями давно мечтали об их свадьбе. Думали, что это вопрос времени. Они были бы прекрасной парой.

– А что решили молодые?

– Они нас не разочаровывали. С официальной церемонией они хотели подождать. Знаете, как это сейчас модно? Получить профессию, найти престижную работу, закрепить... Мы не возражали. Все шло просто замечательно, только...

– Что случилось? – перебил ее следователь. Поняв, что проявил непрофессиональную горячность, Воронин покраснел.

Но дама сделала вид, что не заметила излишнего любопытства работника прокуратуры. Она была в плену воспоминаний.

– Случилось неожиданное... Вернее, ожидать подобное было возможно, но мы оказались к этому не готовы. Андрей встретил эту вашу Дубровскую. Не знаю, каким образом ей

удалось одурманить ему мозги, но проделала она это весьма ловко. Мерцалов повел себя, мягко говоря, неадекватно. Привез ее к себе домой, познакомил с родителями. Более того, он притащил с собой даже ее мать.

– Речь шла о свадьбе?

– О! Разумеется, нет. Разве можно говорить о серьезности его намерений? Достаточно сравнить: Алина и Дубровская...

Воронин был согласен. При всей своей внешней миловидности Елизавета и в подметки не годилась дочери Павловских. Трудно было представить, что мужчина в здравом рас­судке способен предпочесть смазливую вертушку признанной светской красавице.

– Не мне вам объяснять. Иногда мужчинам нужно не лучшее, а просто другое. Вас влечет разнообразие. Но проходит время, и все становится на свои места. Шансов у ново­явленной пассии Мерцалова было ничтожно мало. Понятно, что Дубровская стала нервничать. Упустить такого выгодно­го жениха вовсе не входило в ее планы. Она устраивала без­образные сцены...

– Например? – вмешался следователь. Опасаясь, чтобы эта аристократка не сочла его дурно воспитанным, он поспешил оправдаться: – Извините, но я ищу мотив убийства. Мне важны детали.

– Вы получите мотив, будьте терпеливы. Вам нужны детали? Новоявленная муза Мерцалова вывернула шоколадный

крем на белое платье Алины. Все произошло в присутствии гостей. В результате мы получили половую тряпку от Версаче. В другой раз она проколола шины на автомобиле дочери. Дворник едва не поймал ее за руку. Я уже не говорю о пропавших бриллиантовых серьгах Алины, фамильной драгоценности. Мы пошли на поводу у дочери и не сообщили об этом прискорбном случае в органы. Как я сейчас понимаю, тюремная решетка и срок за кражу спасли бы и саму Дубровскую, и нашу бедную девочку.

– А как ко всему этому относилась Алина? – поинтересовался Воронин.

– Философски, – усмехнулась мать. – Алина была ангелом, не забывайте. Она всячески выгораживала самозванку. Не разрешала говорить о ней плохо и ни разу не намекнула Андрею о том, что за штучка эта его знакомая. «Мама, я не хочу стать причиной их размолвок. Если они расстанутся, то не я буду причиной их разлада». В этом была вся Алина.

– Что же произошло? Зачем Дубровской нужно было убивать вашу дочь?

– Я так думаю, что Андрей наконец осознал, что сделал глупость. Они поссорились. Он бросил ее и уехал за границу, вроде как по служебной необходимости. На самом деле он хотел все обдумать и решить. Только вот Дубровской подобный поворот сюжета был не нужен. Она убила Алину из ревности.

«И даже попыталась представить все как несчастный слу-

чай, – подумал Воронин. – Действительно, хладнокровная убийца».

В мозаике совершенного преступления оставалось все меньше свободных мест.

* * *

Адвокат Афонин имел способность утомлять любого излишним многословием. Фонтан его красноречия бил настолько мощно, что собеседнику не оставалось ничего иного, как подставлять свои уши в его безвозмездное пользование. Следователь Воронин потратил немало времени для того, чтобы заставить болтливого защитника делать небольшие паузы, в которые можно было бы вставить вопросы.

– Эта Дубровская – тертый калач, сразу не скажешь. Признаться, я вначале сам попался на ее уловки. Глазки там, улыбочки, юбка выше колена. Ну, вы понимаете... – Афонин захихикал. – Я познакомился с ней в суде. Рассматривали арбитражное дело. Я в этих вопросах большой специалист. У меня чутье настоящего профи. Знали бы вы, сколько на первый взгляд безнадежных дел мне довелось выиграть. Я умею...

– Не отвлекайтесь. Меня интересует Дубровская, – прервал его следователь.

– Ага. Так, о чем это я? Короче, она пыталась меня соблазнить. Назначала какие-то встречи, искала повод для те-

лефонных звонков. Не адвокат, а сексуальная террористка. Я-то сперва и не понял, что она затевает. Думал, что она без ума от меня. Знаете, женский пол почему-то проявляет ко мне всегда повышенное внимание. Наверняка дело в том, что...

– Ближе к делу.

– Так вот, эта ваша Дубровская нечестно играла. Она подделала кое-какие важные документы, ввела в заблуждение суд. Я вывел ее на чистую воду. Пригрозил ей сроком за мошенничество. Она испугалась. Пыталась задобрить меня. Слышали бы вы, какие непристойные предложения мне довелось от нее услышать. – Глаза Афонина масляно заблестели. – Но честь для меня важнее всего. Я бы ни за что...

– Ваши моральные устои вызывают восхищение. Дальше.

– Так вот, она вызвала меня и моего директора на конспиративную встречу. Заманила нас на отдаленную турбазу, в бунгало. Я-то сидел в машине, как и было оговорено, а вот Иван Васильевич зашел внутрь домика. Там она его и порешила. Не сомневаюсь, что настоящей мишенью был я. Меня спас случай...

– Вы утверждаете, что Дубровская убила Плешака?

– Так точно.

– Почему вы в этом так уверены?

– О времени и месте встречи знали только мы, трое. Но это цветочки. А ягодки заключаются в том, что я видел эту Дубровскую на месте преступления. Я в дверях столкнулся

с нашей убийцей. Она вытирала платком испачканные руки. На ней лица не было. Когда она поняла, что застигнута врасплох, преступница не долго мешкала. Она нанесла мне удар по голове, от которого я едва не стал инвалидом. Затем ринулась прочь. Конечно, истекая кровью, я не мог ее скрутить. Но тогда я еще не знал, что произошло. Зажимая рану, я зашел в бунгало и увидел распластанное на полу тело шефа. Я попытался оказать ему помощь, но было уже поздно. Заявление в милицию сделал я.

– Но все-таки Дубровская могла оказаться на месте преступления позже совершенного убийства. Так же, кстати, как и вы.

– Неувязочка, начальник, – цокнул языком чрезвычайно довольный собой Афонин. – Тогда ей незачем было убежать оттуда.

– Она – женщина. Увидела кровь – не совладала с собой. Была не в себе.

– Почему же она, когда пришла в себя, не обратилась к вам? Вместо этого начала бегать, скрываться.

«Он прав. Дубровскую искали больше недели. Дома она не появлялась, у знакомых тоже. Вряд ли это просто совпадение. Если бы не добровольный помощник милиции Афонин, то мы бы не скоро вышли на ее след».

– Кроме того, вы как-то легкомысленно относитесь к тем телесным повреждениям, которые эта стерва причинила мне. Она едва не проломила мне череп. Зачем невиновному

человеку нужно зверски расправляться со свидетелем убийства? – резонно заметил юрист.

«Ну, до твоей смерти было далеко, – подумал Воронин. – Хотя кровоподтек на лбу этого героя и впрямь выглядел впечатляюще. Эксперт также упоминал что-то о сотрясении мозга. Видимо, последствия удара оказались более серьезными, чем предполагалось ранее. Сам потерпевший так и не мог вспомнить, чем его огрела по темечку эта адвокатесса. Амнезия, да и только!»

– Благодаря вам Дубровскую поймали на месте очередного убийства. Вам знакома жертва, Алина Павловская?

Афонин замотал головой.

– Нет, не имел чести быть с ней знакомым. Видел ее фотографии в прессе. Говорят, она была незаурядной личностью, а кроме всего прочего, потрясающей красавицей. Вот, если бы вы прибыли чуток раньше, она, возможно, была бы жива. Я пас эту Дубровскую с ловкостью хищника, почуявшего добычу. Я тотчас же позвонил вам...

Воронин пристально рассматривал Афонина, спрашивая себя, почему этот чрезвычайно энергичный жизнелюб вызывает у него необъяснимое раздражение. Он взял себя в руки:

– Что теперь вспоминать. Вы свободны. Допрос окончен...

Проводив Афонина, следователь прошелся по кабинету. Он был удовлетворен. Все складывалось гладко. Собранных

доказательств с лихвой хватит на то, чтобы обеспечить Дубровской длительный срок лишения свободы.

Воронин уже ознакомился с материалами арбитражного дела. Афонин был прав: эта ушлая адвокатесса оказалась мошенницей. Она действовала очень нагло, полагая, что ее обман не будет обнаружен. Когда же ее приперли к стенке, она попыталась скрыть следы и совершила убийство. Этим криминальный демарш Дубровской не закончился. Едва минула неделя, она хладнокровно разрешила свои личные проблемы, отправив на тот свет бедную Павловскую.

Будучи особой не искушенной в искусстве заметания следов, Елизавета оставила массу улик. Так, адвокат Афонин в первом случае, во втором – консьержка Кузнецова стали почти что очевидцами преступлений. Родители Павловской смогли обосновать мотив убийства дочери. Материалы арбитражного дела пролили свет на некоторые обстоятельства, связанные с расправой над Плешаком.

А были еще отпечатки пальцев в квартире Алины и в бунгало на берегу озера. Был найден носовой платок Дубровской, испачканный кровью. Экспертизы были еще только назначены, но Воронин уже предвидел результаты. Чутье его подводило редко.

Одно только смущало бравого сыщика. Оба преступления, такие ясные и вполне объяснимые по отдельности, вместе составляли довольно странный коктейль. Слишком уж разные мотивы были у этих двух злодеяний. Напрашивал-

ся закономерный вывод: оба происшествия как-то связаны между собой. Вопрос только в том как.

Это предстояло выяснить. Но Воронин был уверен на все сто: он найдет невидимые на первый взгляд ниточки. Из этой паутины Дубровской будет не вырваться. Ни за что...

...Сидеть на бетонном полу было невыносимо холодно. Елизавета подтянула к себе колени. Ей казалось, что больше никогда в своей жизни она не согреется. Как хорошо было бы очутиться сейчас в своей постели под теплым пуховым одеялом, зарыться лицом в подушку и спать, спать... А теперь у нее была только джинсовая куртка. На нее можно сесть, ее можно положить под голову и можно накинуть на плечи. А хотелось всего и сразу.

– Эй! – раздался чей-то голос. – Убери ноги с прохода. Расселась, как корова.

Если кого и можно было назвать коровой, так, пожалуй, эту здоровенную девицу с рыжими патлами. Она прогуливалась по камере. Шесть шагов, поворот и обратно. Мелькание толстых ног, в теплых, с начесом штанах, продолжалось, казалось, вечность. Но Елизавета не решалась сделать замечание. Ей было не по себе.

Что могла она, девочка, выросшая в интеллигентной семье, сказать этой бабище, впитавшей грязь улицы? «Извините, но ваш променад действует мне на нервы!» После этой милой фразы нервы мигом успокоятся, зато начнет ныть че-

люсть, а в глазах будут плясать радужные кольца.

Лиза с детства привыкла к обожанию, потаканию и чрезмерной заботе.

«Лизонька, не забудь надеть шарф». Конечно, это няня Софья Илларионовна.

«Лисонька-Лиса, – поцелует ее мама. – Ложись-ка отдыхать, а эту твою курсовую работу завезет в институт наш шофер».

«Лисенок! Девушка должна быть опрятной, а в твоей сумке опять разлитые чернила, да и хлебные крошки», – строго скажет отец, но уже через минуту начнет весело тормозить ее.

Мама, папа, няня! Ей уже не хотелось реветь. Она прислонилась щекой к холодной стене, выкрашенной в безобразный горчичный цвет. Веки ее смежались, она засыпала. Только вопрос, нудный, как писк комара, продолжал кружиться в сознании:

«Зачем надо было их убивать? Зачем?»

Если бы можно было бы вернуться в прошлое. Ведь началось все так красиво!

Два месяца назад...

– Повернись-ка, – командовала Вероника Алексеевна. – Нет, доченька, это платье решительно не годится. Не забывай, мы приглашены на ужин к самим Мерцаловым!

Елизавета Дубровская уже два часа провела перед зеркалом, примеряя по очереди все наряды из своего гардероба. На кровати громоздилась целая гора одежды, а решение проблемы казалось таким же далеким, как снег на вершине Эвереста. Мать заламывала руки и поминутно хваталась за голову:

– Нет, только не эта блуза. Она же из хлопка. Хочешь, чтобы на нас смотрели, как на плебеев? А эта юбка?! Ты в ней похожа на сосиску – никаких изгибов. Что в талии, что в бедрах – все едино.

Лиза только пожимала плечами. На ее взгляд, хлопковая одежда как нельзя лучше соответствовала последним жарким дням уходящего лета. А что касается ее талии и бедер, то с этим у девушки – полный порядок. Конечно, она не похожа на даму с роскошными формами, а скорее на девочку-подростка, но такие особенности своей фигуры она не считала недостатком. Худенькая, невысокая, подвижная, на неизменно высоких каблуках – она была уверена в своей привлекательности! Но маме она привыкла доверять. К тому же Вероника Алексеевна износила немалое количество туфель на

всевозможных приемах, коктейлях, вечеринках и балах. Являясь женой высокопоставленного чиновника, она большую часть своей жизни посвятила выбору подходящих нарядов для того или иного случая. По этой части она была профессором...

– А если я надену вот этот костюм? – с надеждой спрашивала Лиза.

– Да ты с ума сошла! Ты что, не видишь, какого он оттенка?

– Ну и что?

– А то, что он тебе испортит всякий цвет лица. Ты будешь похожа на бледную поганку с черными пуговицами вместо глаз.

– Ладно, оставим костюм. Тогда вот этот топ со стразами и короткий кардиган из эластичного тюля. Ведь нежный абрикосовый цвет мне к лицу.

– Я не против абрикосов, – упрямылась мать. – Но эти стразы величиной с грецкий орех. Ты будешь переливаться, как рождественская ель. К тому же твое чудесное гранатовое кольцо здесь явно будет лишним.

– Колье можно не надевать, – возразила Лиза. – Оно слишком громоздкое и неизящное.

– Зато старинной работы и немалой цены. Ты же не хочешь, чтобы родители Андрея посчитали тебя неподходящей парой для своего сына?

– Это будет обыкновенный ужин, а не торжество по слу-

чаю помолвки.

– Посмотрим, – загадочно улыбалась мать.

В последующие два часа Елизавета услышала про себя немало интересного. Ее глаза были то «угольками», то «плошками». Ее прекрасные темные волосы – «хижиной дяди Тома». Грудь вообще не наблюдалось, а изящные ножки меняли свою форму в зависимости от длины юбки. «Макароны», «карандаши», «ходули», а также «бутылочки», «иксы» и «лапки кузнечика» – вот далеко не полный перечень сравнений, которые разбудили в ней сладко дремавший комплекс неполноценности.

Посчитав, что с ее внешностью можно выходить на улицу только в темную безлунную ночь, Лиза наотрез отказалась идти куда-либо. Вероника Алексеевна поняла, что перегнула палку. Зная крайне упрямый характер собственной дочери, она испугалась, что та выполнит свою угрозу и останется дома.

– Ну же, дорогая, – уговаривала она Лизу. – Ты же знаешь, что встречают по одежке! Потерпи, моя девочка, и ты затмишь всех своей красотой.

Лиза подчинилась. В конце концов, для четы Мерцаловых может оказаться небезразлично, как выглядит их будущая невестка. Что касается Андрея, то для него эти мелочи не имеют значения. Они любят друг друга, по-настоящему и навсегда...

То, что Вероника Алексеевна со своей предусмотрительностьюхватила через край, Лиза поняла сразу же, как только переступила порог роскошного особняка Мерцаловых. Нет, разумеется, люстры из венецианского стекла, коллекционные картины и целый штат прислуги никуда не делись. Они были на своих местах. Дом все так же напоминал пятизвездочный отель. Окна по-прежнему охватывали впечатляющую панораму обширного поместья, среди прочего включающего в себя собственную рощу и пруд, охотничий домик и широкую липовую аллею. Только вот немногочисленные гости, как, впрочем, и сами хозяева, выглядели слишком буднично. Никаких вечерних платьев и смокингов, умопомрачительных украшений и праздничных причесок. Все красиво и внешне просто (если кто, конечно, знает цену подобной простоте).

Елизавета в темно-синем атласном платье до пола, и ее мать – с глубоким декольте выглядели так, как будто с карнавала на минутку заскочили в офис, причем в самый разгар рабочего дня. Вероника Алексеевна поняла, что допустила промах. Лиза же в замешательстве стала крутить пальцами злосчастное кольцо, лихорадочно соображая, как незаметно снять его и спрятать в сумочку.

– Так вот вы какая, – приветствовала ее мадам Мерцалова. – Ну что же, примерно такой я вас себе и представляла.

Лиза спрашивала себя, кого ожидала увидеть мама Андрея и хорошо ли то, что она не обманулась в своих предпо-

ложениях.

– Мама, ты смущаешь Лизу, – пришел на помощь Андрей. – Конечно, она именно такая, как я тебе ее описывал, – необыкновенно красивая и умная. Я ее безумно люблю и надеюсь, что тебе она тоже понравится.

Конечно, эти слова отчасти успокоили Дубровскую, но ей показалось, что мать не совсем разделяет оптимизм сына. Госпожа Мерцалова рассматривала девушку с таким странным выражением лица, будто спрашивала себя, что нашел ее обожаемый отпрыск в этой самозванке.

– Добро пожаловать. – В ее голосе Лиза не услышала и нотки дружелюбия. – Сегодня у нас в гостях две семейные пары, наши близкие друзья – Павловские и Гладковы. Я вас с ними познакомлю. Пусть это будет наш маленький семейный ужин, так сказать, в узком кругу.

Лицо Дубровской полыхало. Конечно, их визиту никто и не собирался придавать особого значения. Обычный ужин, а она вырядилась, как девица на выданье. Ее мать чувствовала себя немногим лучше, пытаясь укутать обнаженные плечи в легкий газовый шарф.

Когда сели за стол, стало еще хуже. Лиза оказалась под прицелом нескольких пар настороженных глаз. Гости вели легкую беседу, а Дубровская время от времени ловила на себе их изучающие взгляды.

Девушка давно потеряла нить разговора. Ее ответы были неопределенны, а движения угловаты. Она с большим удо-

вольствием провалилась бы сквозь паркетный пол, только бы не испытывать те муки, на которые она себя обрекла сама, приняв приглашение в гости. Ах, почему она не осталась дома!

– Чем вы занимаетесь, милая? – спрашивала ее Павловская, холеная дама с аристократической внешностью.

– Я – адвокат, – еле слышно произнесла Лиза.

– Она занимается уголовными делами, – улыбнулся Андрей. – Не представляете, насколько это опасная работа. Я хочу ее уговорить поменять поле деятельности. В конце концов, для такой молодой и талантливой девушки найдется более подходящее занятие, чем проводить время в тюремных застенках.

– Совершенно с тобой согласен, Андрей, – встрял в разговор мужчина с брюшком. – Почему бы вам, дорогая, не заняться арбитражем?

– У меня еще нет опыта, да и с клиентурой проблемы, – пискнула Дубровская, покраснев до ушей.

Отец Андрея пожал плечами, уже не удивляясь никчемности новой знакомой сына. Разве можно ожидать от нее другого ответа?

– Но я надеюсь, вы имеете представление о самой процедуре арбитражного процесса? – не унимался толстяк.

– Весьма приблизительное.

– Жаль, я мог бы порекомендовать вас некоторым своим знакомым. У меня обширные связи в деловом мире. Там сто-

ящие адвокаты на вес золота. Если бы вы попробовали...

– Дорогой, – встряла госпожа Гладкова. – Девушка тебе ясно объяснила, что ничего не смыслит в хозяйственных делах. Что толку в этом разговоре? Кроме того, твои знакомые – преуспевающие бизнесмены. Боюсь, что их не устроит начинающий адвокат.

Лиза чувствовала себя маленькой и жалкой. Гости снисходительно поглядывали на нее, словно удивляясь, как такая неуклюжая и глупая особа могла оказаться в компании с людьми, для которых вся жизнь – сплошной успех.

– У Лизы все впереди, – вступился за нее Андрей. – Она еще покажет себя. В конце концов, все когда-то начинали. Говорю вам, она – редкая умница.

– Никто в этом не сомневается, – сказала Мерцалова таким тоном, каким обычно успокаивают безнадежно больного.

Беседа покатилась дальше, только ни Лиза, ни ее мать в ней участия не принимали. Говорили о каких-то людях, о которых Дубровские не имели представления, о домах, в которых они не бывали; смеялись шуткам, понятным только им самим. Андрей сидел напротив и изредка ободряюще улыбался Елизавете. Она же робко отвечала ему, стараясь не привлекать к себе внимания.

Для того чтобы хоть как-нибудь скрыть смущение и не сидеть истуканом, Дубровская делала вид, что занята едой. Но кусок не лез ей в горло, а минеральная вода, которой она

выпила немереное количество бокалов, вызывала тошноту. Елизавета с ужасом понимала, что ей нужно будет найти предлог, чтобы удалиться из-за стола. Но сделать это изящно у нее все равно не получится. Она не имеет представления, где в этом доме находится уборная. Значит, нужно вызвать Андрея. Какая глупая ситуация!

Но хозяйка дома внезапно объявила:

– Сделаем небольшой перерыв. Пока сервируют стол для чая, мы можем выйти на воздух. – Она обратилась к Павловским: – Надеюсь, Алина не пропустит свой любимый банановый пирог?

Гости, переговариваясь, вышли из-за стола.

– А кто эта Алина? – спросила Лиза Мерцалову, когда та подошла к ней.

– Это дочь Павловских, – просто ответила женщина. – *Невеста нашего сына. Она – славная девушка. Я не сомневаюсь, вы станете подругами...*

– Почему ты меня не предупредил? – Елизавета не пыталась сдержать негодование. – Ты обязан был поставить меня в известность...

Андрей насилу отбивался от странных претензий своей подруги. Они уединились в зимнем саду, где Дубровская наконец дала волю эмоциям. Еще бы! Она выставила себя в самом глупом свете, явившись разодетой в пух и прах туда, где ее, собственно, никто не ждал. Тихий семейный ужин «в уз-

ком кругу» превратился в пытку, а известие о невесте Мерцалова произвело на нее эффект землетрясения.

– Если ты успокоишься и объяснишь внятно, что ты имеешь в виду, возможно, я смогу тебе помочь.

– Речь идет о твоей невесте! – выпалила Елизавета, ожидая, что ей удастся смутить коварного ловеласа.

Но лицо Андрея не пошло бурыми пятнами, как она ожидала. Он тихо рассмеялся и попытался притянуть девушку к себе. Дубровская, озадаченная его странной реакцией, все же попыталась сопротивляться. Она молотила кулачками по его груди и обвиняла во всех смертных грехах. Чета Гладковых, не вовремя заглянувшая в царство пальм, увидев эту сцену, предпочла спастись бегством.

– У меня нет невесты! – бессовестно врал Андрей.

– Есть! – вопила Елизавета.

– Говорю тебе, нет.

– А как же Алина Павловская? – воскрикнула Лиза.

– Ах, Алина! Славная девчонка. Она тебе понравится.

Странно, что мнения матери и сына в этом вопросе совпадали. Дубровская могла сказать определенно, что у нее не было никакой охоты знакомиться с дочерью Павловских, даже если та будет похожа на кроткого ангела, специально спустившегося на землю для того, чтобы демонстрировать грешным свои небесные добродетели.

– Послушай, это банальная история, – успокаивал ее Андрей. – Мы с Алиной знакомы с детства. Наши родители –

закадычные друзья. Вполне естественно, что они хотели бы нас видеть такими же неразлучными и счастливыми, как они сами. Кроме того, была бы сказочная возможность объединить капитал, расширить бизнес и жить по-настоящему одной семьей.

– Значит, я спутала ваши планы... – В голосе Елизаветы явно слышались слезы.

– Что ты! Мы с Алиной лишены предрассудков, просто привыкли часто находиться вместе. Пусть тебя это не пугает. Мы – просто друзья!

– Друзья! Так я и поверила! Твоя мама четко дала мне понять, что Павловская – твоя невеста, – горячилась Лиза.

– Ах, вот откуда ветер дует, – понял наконец Андрей. – Моя мать поступила бестактно. Я обязательно ей об этом скажу.

– Не вздумай! – испугалась Лиза. Ей вовсе не хотелось становиться причиной семейного скандала. Начинать знакомство с жалоб и обид было неразумно. Вряд ли бы это сулило хорошие отношения в будущем.

Теперь, когда она узнала причину ее холодного приема в доме Мерцаловых, как ни странно, ей стало легче. Конечно, родители Андрея были обескуражены внезапным появлением новой подруги сына. Но так бы они отнеслись к любой девушке. Дубровская не сомневалась, что, как только Мерцаловы получше узнают ее, они оценят ее и, возможно, даже полюбят. Необходимо лишь время, а Дубровская соглас-

на была подождать.

– Ладно, закроем эту тему, – подвел черту Андрей. – Но обещаю тебе, что ты впредь будешь мне доверять, а не устраивать сцены ревности на пустом месте.

– Обещаю. – К Лизе уже вернулось хорошее настроение. Она улыбалась.

– Ты гораздо красивее Алины. Я тебя люблю, несмотря на это твоё смешное платье.

– Да ты нахал! – напустилась на него Дубровская, пытаясь дернуть обидчика за ухо. Тот не сдавался. Завязалась веселая потасовка.

Конфликт был исчерпан...

Но Елизавета напрасно надеялась, что её неуверенность и тревога, после того как ситуация прояснилась, останутся позади. Как оказалось, всё только начиналось. Увидев Алину Павловскую, она едва не превратилась в соляной столб. Если бы девушка прибыла в дом Мерцаловых в лягушачьей шкуре или верхом на метле, это не произвело бы столь сильного впечатления на Дубровскую. Всё было гораздо хуже.

Легкомысленно приняв на веру комплимент Андрея насчет своих неоспоримых внешних преимуществ, Лиза как-то очень просто списала соперницу со счетов. И напрасно...

Алину Павловскую не зря называли ангелом. Она была натуральной блондинкой с прелестным округлым личиком в обрамлении длинных волос, фарфоровой кожей и чудесны-

ми, словно омытыми морем, русалочьими глазами. От этого лица трудно было отвести взгляд, а если это все-таки удавалось, то очарованному наблюдателю открывались другие достоинства девушки. Она была высока, изящно сложена. Ее пропорции были совершенны. Необъяснимое чувство чистоты и свежести, каким бывает только раннее майское утро, охватывало каждого, кто попадал в плен ее обаяния.

К прекрасным внешним данным прилагалось целое собрание достоинств Алины как личности. Она была естественна, начисто лишена снобизма, воспитана и приятна в общении. Она обладала редким даром нравиться, что теперь принято называть харизмой...

Конечно, столь незаурядные душевные добродетели были пока неизвестны Дубровской. Но от ее взгляда не ускользнуло то оживление, которое вызвал приезд дочери Павловских. Словно в темную комнату ворвался живительный луч света. Лица присутствующих, как по мановению волшебной палочки, разгладились, глаза заблестели.

– Сергей Аркадьевич, как я рада вас видеть. На днях смотрела ваше интервью на телевидении, вы были, как всегда, бесподобны. Но та настырная журналистка, в твидовом пиджаке, по-моему, не совсем хорошо знала суть проблемы. Если бы не вы, ее бы ожидал провал...

Эти слова были адресованы Мерцалову-старшему. Тот приподнялся с кресла, подставляя щеку для приветственного поцелуя. Елизавета, представив себе, сколько времени

пойдет, прежде чем она решится вот так же запросто поцеловать сурового мужчину, заметно поскучилась.

– Ольга Сергеевна, вы выглядите потрясающе. Кстати, на днях я видела в «Пассаже» шарф из шифона, который отлично подойдет к вашему белому брючному костюму...

Госпожа Мерцалова оживилась, будто в ее туго набитом заграничными туалетами шкафу не было ни одного шарфа.

– Андрей, дорогой, ты в прекрасной форме. Если бы я обладала твоей силой воли, я бы давно стала олимпийской чемпионкой. Но я – страшная лентяйка, в спортивный зал меня надо тащить на буксире...

«Ну-ну, – мрачно размышляла Дубровская. – Могу дать на отсечение голову, что она с утра до вечера терзает беговую дорожку. С такой фигурой быть лежебокой просто нерально».

Но Андрей, развесив уши, охотно выслушивал дифирамбы. Алина подарила ему традиционный поцелуй, а он вместо того, чтобы сухо поблагодарить ее за проявленную любезность, поцеловал ее сам. Наблюдая, как рука, совсем недавно обнимавшая ее, теперь обвивает осиную талию соперницы, Елизавета побледнела. Она сжала десертную вилку и вместо того, чтобы захватить ею кусочек торта, неожиданно громко треснула по тарелке. Все уставились на нее, включая Алину.

– Приятно с вами познакомиться, – услышала Дубровская ее голос. – Должно быть, вы – Лиза, молодой перспективный адвокат и подруга Андрея. Он мне столько про вас расска-

зывал...

Дубровская подозрительно взглянула на Алину. Но ни в ее голосе, ни в ее взгляде она не заметила насмешки. Похоже, Павловская говорила искренне, не пытаясь за красивыми словами спрятать свое истинное отношение к Лизе. Девушка-русалка протянула руку. Что оставалось Дубровской? Правильно, пожать ее.

Конечно, этот простой жест дружбы не требовал особого ритуала. Вежливость предписывала просто приподняться со своего места, что Елизавета и проделала. Оказавшись рядом с соперницей, Дубровская сделала еще одно не очень приятное открытие. Она была почти на голову ниже Павловской. Положение не спасали даже высоченные шпильки. Лиза поймала себя на мысли, что ей хочется встать на цыпочки, лишь бы окружающие не заметили такой разницы в росте. Как унижительно быть такой крохой! Тут уж не пошлешь на конкурентку взгляд, полный холодного достоинства, разве что придется для этих целей влезть на табурет...

Алина заняла место за столом, и беседа, прерванная ее появлением, возобновилась опять. Елизавета стала еще более рассеянной. Она исподтишка наблюдала за красавицей, стараясь отыскать хоть какой-нибудь изъян в ее внешности или манере поведения. Тщетно! Павловская легко управлялась со столовыми приборами, умудряясь при этом поддерживать разговор. Ее руки не висели, как плети, вдоль туловища; не теребили бахрому скатерти и не поправляли беспрестанно

белокурые волосы, что выдавало бы нервозность или застенчивость. Ни то ни другое было ей не свойственно. Она была уверена в себе и своей неотразимости. Ей не было нужды завоевывать сердца окружающих. Они давно и без остатка принадлежали ей. Елизавета чувствовала, что так же, как другие, она поддается ее необъяснимой силе: смотрит только на нее, невольно соглашается с ней во всем. Дубровская, казалось, испытывала мазохистское удовлетворение, разглядывая соперницу и убеждаясь, что та отнимает у нее пальму первенства абсолютно по всем показателям.

Алина умнее ее, красивее и находчивее. Ее белое простое платье смотрится на ней куда естественней, чем на Лизе ее вечерний наряд с треклятым колье на шее. Алина выглядела, как хрупкая фарфоровая статуэтка, Лиза – как глиняная напольная ваза...

– Елизавета, да что с вами?! – спрашивала ее Мерцалова.

Должно быть, она неоднократно пыталась привлечь внимание Дубровской, но та, витая где-то очень далеко, услышала ее не сразу.

– Что? – спохватилась Лиза, чувствуя, как предательская краска густо расползается по ее лицу.

– Я попросила вас передать Алине вот этот шоколадный крем. Вас это не затруднит?

– Нет.

Дубровская приподнялась со своего места. Должно быть, она сделала это слишком порывисто, а может, просто насту-

пила на длинный подол своего вечернего платья, но вазочка на хрустальной ножке вдруг вырвалась из ее рук, и ее содержимое оказалось на белом платье Алины.

– О, боже! – вскрикнула Мерцалова. – Это нужно срочно замывать. Пройдемте в ванную.

– Какая жалость, – вздохнула Павловская-старшая. – Это платье от Версаче я подарила Алине на Рождество.

Дубровская стояла чуть жива от страха. Она растерялась, не зная, чем помочь. А в возникшей за столом суматохе вдруг раздался спокойный голос самой «жертвы» происшествия.

– Не беспокойтесь. Дело не терпит суеты. Мне поможет Лиза, а вы можете спокойно заканчивать ужин. Ольга Сергеевна, вы не будете против, если я пройду в гостевую комнату за своими вещами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.